ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В МАССМЕДИА

УДК 81.367.633

Влияние массмедиа на предложную систему русского языка

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Беларусь, 230022, Гродно, ул. Ожешко, 22

Для цитирования: Конюшкевич, М.И. (2019). Влияние массмедиа на предложную систему русского языка. *Медиалингвистика*, 6 (1), 35–47. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.103>

Рассматривается влияние медиаречи на предложную систему русского языка. Анализируются предложные сочетания (ПС) с инвариантом 'доминанция', которых в русском языке насчитывается около 200 единиц. На фоне обзорной характеристики данной группы анализу подвергается микрогруппа предложных сочетаний с инвариантом 'наблюдение', образованная на основе базовых компонентов-существительных. Несмотря на разную степень опредложенности, все ПС данной группы образуют директивно-локативную оппозицию: под наблюдение кого/чего — под наблюдением кого/чего. На примере ПС с базовым компонентом *прицел* выявляется их морфосинтагматическая парадигма, состоящая из 13 единиц. Рассматриваются также особенности текстовой парадигмы, образуемой предложными сочетаниями с данным базовым компонентом. Установлены функции синтаксем, употребляемых с нуль-формой имени в медиаречи. ПС типа *под прицелом* обнаруживают широкую сочетаемость с управляемыми существительными, обширное номинативное поле которых включает лексику, имеющую тенденцию движения от предметных имен к признаковым (*под прицелом ракет — под прицелом любви*). Широкая сочетаемость слова *прицел* является катализатором его движения на пути к грамматикализации в составе предложного сочетания. По данным Национального корпуса русского языка выявлено, что пики активного употребления ПС с базовым компонентом *прицел* появляются через 2–3 года после социально-политических катаклизмов в России. Делается вывод о двойственности феномена популярности предложных сочетаний с БК *прицел*: с одной стороны, это явление, объективно отражающее современное общество с предельной открытостью жизни человека, слежением за его жизнью и вторжением в нее; с другой стороны, это одно из культивируемых в медиаречи лингвотоксичных средств, которое формирует в массовом сознании

милитаристскую модель действительности, добавляя в информационное пространство свою порцию агрессии и страха.

Ключевые слова: предложное сочетание, базовый компонент, медиа.

Постановка проблемы. О влиянии медиа на русский литературный язык (равно как и на другие языки), уже существует многочисленная литература, но она в основном касается знаменательной лексики и ее воздействующего потенциала, поскольку именно эта подсистема языка связана непосредственно с реальной действительностью.

Более сложным для исследователя представляется установление влияния медиа на служебный фонд языка, в частности на предложную систему, поскольку отношения, выражаемые предлогами, являются опосредованными — через синтаксические связи между словами, называющими реальные объекты. И тем не менее, несмотря на опосредованный характер, в предложной системе появляются новые виды отношений, во многом обусловленные реальной действительностью.

А. А. Поликарпов выявил направление этого непрерывного процесса: «...становящийся со временем все более семантически абстрактным, лексический знак ищет соответствующую ему более абстрактную, все более грамматическую форму... Повторяющиеся по своей направленности... акты синтаксической деривации определяют возможность формирования тенденции к образованию... все более признаков, все более грамматичных, более категориально абстрактных слов, вплоть до таких чисто служебных слов, как союзы и предлоги» [Поликарпов 2004: 288].

История вопроса. Литература по истории и теории предлога необозрима, ограничимся только упоминанием нескольких персоналий, в трудах которых главными являются вопросы пополнения этого класса служебных слов и критериев определения границ этой категории. Так, Е. Т. Черкасова главными отличительными признаками перехода знаменательных слов в предлоги считала синсемантическую и синсинтаксичность таких лексем [Черкасова 1967]. П. П. Шуба с учетом синтаксических функций слова расширил список белорусских единиц предложного типа до полутысячи, дифференцируя их по степени предложивания и с ориентацией на деривационную базу [Шуба 1971; 1993]. В польском языкознании замечен словарь [Milewska 2003].

Но полнее всего современное состояние вопроса о предлоге отражено в трудах М. В. Всеволодовой, ее коллег и учеников. Концепция атрибуции предлога, изложенная авторами в [Всеволодова и др. 2014], — результат работы российской стороны, инициировавшей двусторонний научный проект по изучению и сопоставлению русской и белорусской предложных систем. Атрибутированный список русских предлогов, представленный в [Всеволодова и др. 2018], пока только начало: реестр русских предлогов представлен диапазоном букв А–В. Результатом белорусской стороны названного выше двустороннего проекта и его концепции стал ряд статей и трехтомник, включающий монографию и реестр белорусских предложных единиц [Канюшкевич 2008–2010]. Вскоре проект по исследованию грамматики

славянского предлога стал открытым и межнациональным [Славянските предлози 2007; Загнітко 2007].

Для изложения и (особенно) восприятия основного содержания нашей статьи приведем ряд исходных постулатов в свете концепции, принятой участниками проекта по атрибуции предлога.

1. Предлог — морфосинтаксическая категория, обнаруживающая себя не столько в морфологии, сколько в синтаксисе вплоть до синтаксиса текста. «Морфосинтаксическая функция предлога состоит в том, что он, не будучи частью морфологической формы слова, формирует словоформу — синтаксическую форму слова, синтаксему, образуя с ней в рамках синтаксических построений... единое целое» [Всеволодова 2014: 54].
2. Вместе с флексией субстантива предлог является формантом синтаксемы, в то время как основа самого субстантива — ее лексическим (номинативным) компонентом.
3. В качестве предлога способны выступать знаменательные слова — автономно или в сочетании с первообразными предлогами, образуя довольно устойчивые сочетания, что делает их объектом рассмотрения в свете теории грамматики конструкций [Рахилина 2010]. Такие аналитические единицы мы называем предложными сочетаниями (ПС). Это не единственный для них термин в лингвистике. В зависимости от концепций авторов и критериев атрибуции предлога их называют «отыменными релятивами» [Шереметьева 2008], «релятивными фразеологизмами» [Шиганова 2003], «фразеологизированными предлогами» [Гальченко 2004], *Präpositionalphrasen* (букв. «предложные фразы») [Schröder 1990].
4. Знаменательное слово, втянутое в поле предлога, входит в него не полной своей парадигмой, а одной или несколькими словоформами, утрачивает некоторые признаки своей части речи и образует вместе с первообразными предлогами предложное сочетание, становясь его базовым компонентом (БК).
5. Поскольку единицы, выполняющие предложные функции, имеют разную степень опредложенности, то категория предлога обладает полевой структурой, с центром и периферийными зонами. В нашей статье под понятием «предложное сочетание» понимаются все рассматриваемые единицы независимо от их нахождения в той или иной зоне поля предлога.
6. Предлоги, образованные на основе одного БК, могут формировать семантические, морфосинтагматические (в терминологии М. В. Всеволодовой — морфосинтаксические) и текстовые парадигмы [Всеволодова 2014: 231–235].
7. Будучи по своей природе предикатами, предложные сочетания обладают левой и правой валентностью, которая влияет не только на степень их опредложенности, но и на модель высказывания (пример валентностного анализа предложных единиц видим в [Шереметьева 2008]).

Говоря о новых видах отношений, выражаемых предлогами, мы ставим цель проследить отношения доминации, отражающие характер современных институциональных взаимоотношений в человеческом сообществе, типа *действовать под эгидой ООН, взять под юрисдикцию России, жить под надзором полиции, уступить под натиском обстоятельств, поступать по велению долга, погибать*

в тисках греха, попасть под каток репрессий и др. Предложные сочетания, выражающие эти отношения, мы условно называли кон ф и р м а т и в н ы м и, а образуемые ими синтаксемы (в примерах они выделены) — кон ф и р м а т и в а м и (от лат. confirmatio — «утверждение»; ср. *конфирмация* — утверждение высшей властью судебного приговора, в конфессиях — утверждение, обряд приобщения детей к церкви). Иначе говоря, кон ф и р м а т и в — денотативная роль синтаксемы, представляющая доминацию (утверждение, поддержку, влияние, власть, давление, контроль и т. п.) одного участника ситуации (лица, коллектива, явления, стихии) над другим.

Предварительно дадим краткие сведения о конфирмативных ПС, изложенные в наших предшествующих публикациях (например, в [Конюшкевич 2015]), дабы читатель увидел масштаб данного вида отношений. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и интернет-ресурсах нами на сегодня выявлено около 200 (и едва ли это конечный список) ПС с инвариантом 'доминация'. Одни ПС закрепились в русском языке в виде фразеологизма, например *под эгидой*, подаваемого только под знаком ромба [Евгеньева 1981]; другие представляют собой клише: *под влиянием*; третьи выглядят достаточно свежей метафорой: *под катком репрессий*; четвертые и вовсе окказиональны: *Под дулом объектива* (название выставки портретов). Словари и грамматики не успевают фиксировать образование подобных сочетаний, а речевая практика демонстрирует нам более широкий их список и более активное их употребление. Например: *Персонал в Косово намерен выйти из-под эгиды ООН и перейти под эгиду ЕС* (здесь и далее после контекстов из НКРЯ называется автор или СМИ; авторство контекстов из интернет-ресурсов и адреса сайтов опускаются).

В семантическом отношении конфирмативные ПС распадаются на десять лексико-функциональных групп, восемь из которых образуют пары словоформ винительного и творительного падежей — с директивно-локативной оппозицией «попасть под доминацию / быть под доминацией»: (1) со значением «давление» (*под натиск/ом*) (2); «владение» (*во власть/и*); (3) «защита, покровительство» (*под эгиду/ой*); (4) «заточение» (*в когти/ях*); (5) «воздействие» (*под воздействие/м*); (6) «разрушение» (*под каток/ком*); (7) «руководство» (*под руководство/м*); (8) «наблюдение» (*под надзор/ом*). В двух группах такая оппозиция отсутствует: (9) «каузатор» (*по инициативе*); (10) «поддержка» (*при одобрении*). Рассмотрим лексико-функциональную группу ПС с инвариантом 'наблюдение'.

Методика анализа. Основной массив контекстов с ПС с названным инвариантом извлечен из НКРЯ, некоторые получены путем моделирования с последующей верификацией контекстами из интернет-ресурсов.

Методологической базой исследования стали принципы антропоцентризма, системности, вариативности языковых явлений, признание континуальности языка как деятельности и учет объективной проницаемости границ между подсистемами языка [Иванов 2004]; применялись дефиниционный, валентностный, сопоставительный, интроспективный виды анализа, методы аналогии и моделирования.

Анализ материала. Дефиниционный анализ [Евгеньева 1981] глаголов, от которых образованы субстантивы — базовые компоненты ПС, позволил установить, что семантическую структуру группы ПС с инвариантом 'наблюдение' составляют следующие семы:

- а) ядерные: «следить глазами», «тот, кто следит глазами», «за кем-либо» (значение глагола *наблюдать*);

- б) семы приядерной зоны: «с целью охраны, контроля» (*надзирать*), «с целью надзора» (*присматривать, приглядывать*), «с целью ознакомления» (*смотреть*, значение 4), «перемещать взгляд вслед за движущимся предметом», «делать предметом своего внимания, наблюдений» (*смотреть*, значение 1, оттенок 2), «сосредоточить взгляд, внимание на ком-либо / на чем-либо» (*прицелиться*, значение 2);
- в) семы периферии: «иметь надзор, попечение, заботиться о ком / о чем-либо» (*смотреть*, значение 3), а также «направленность зрения на кого-либо / что-либо» (*взгляд*, значение 1).

На основании выявленной семантической структуры в группу «наблюдение» попадают шесть базовых существительных, способных образовать предложные сочетания: *наблюдение, надзор, присмотр, прицел, дуло, контроль*. Не все они синонимичны в словарном отношении, однако как БК они образуют синонимичные ПС; ср.: Спевшего «Мурку» священника обязали вернуться в свою епархию *под наблюдение архипастыря* (tass.ru). — Спевшего «Мурку» в столичном храме священника отправят в Тирасполь *под надзор архиерея* (inforos.ru).

Группа однородна в способности рассмотренных существительных образовать предложные сочетания со значением наблюдения, причем все ПС формируют директивно-локативную оппозицию «куда — где», а лексические компоненты синтаксем принимают соответственно формы винительного и предложного падежей: *под наблюдение — под наблюдением; под надзор — под надзором; под присмотр — под присмотром; под контроль — под контролем; под патронаж — под патронажем; под дуло — под дулом — под дулами; под прицел — под прицелом*. В контекстах: В Самарской области еще 50 участков дорог попадут *под наблюдение* видеокамер. Экзамен *под наблюдением* видеокамер. ОАО «Нижегородкапстрой» попало *под надзор* арбитражного суда. Можно ли оставить велосипед *под присмотр* незнакомца? Под Щучином лошадь везла пьяного хозяина домой *под присмотром* ГАИ.

Прежде чем стать базовым компонентом ПС, субстантив, как правило, претерпевает метафоризацию, а сами ПС — фразеологизацию [Гальченко 2004; Шиганова 2003], но далеко не все из них проходят весь путь грамматикализации (о процессе грамматикализации ПС на другом материале см. работы Е. Н. Виноградовой [Виноградова 2016; 2017]). Рассматриваемая нами группа ПС находится еще в начале своего пути в предлоги, но популярность их в медиаречи заставляет рассмотреть отдельные единицы более внимательно.

Наиболее примечательны в этом отношении сочетания с БК *прицел*, которые выделяются в медиаречи широкой сочетаемостью с лексическим компонентом синтаксем и активным употреблением (полагаем, не без влияния агрессивного контекста и дискурса действительности). Об активности ПС с БК *прицел* в медиаречи свидетельствует тематическое разнообразие контекстов, диапазон лексических компонентов синтаксем и, главное, широта парадигмы предложных сочетаний. Например: Наша Земля находится *под прицелом* нескольких астероидов, способных наделать много бед (Комс. правда, 14.10.2013). Мы были *под прицелом* всеобщего внимания (Комс. правда, 06.03.2013). Архитектурные памятники Беларуси *под прицелом* времени и «реконструкции». Ломбарды попали *под прицел* прокуратуры. Экология *под прицелом* химиков. (В примерах выделена вся син-

таксема — ПС как формант + существительное как лексический компонент синтаксемы.)

Тематическое разнообразие контекстов продиктовано множественностью вооруженных конфликтов различного масштаба в самых разных регионах планеты. В контекстах, извлеченных сплошной выборкой из НКРЯ, существительные с ПС *под прицел* и *под прицелом* образуют внушительное и устрашающее номинативное поле «субъект доминации», в котором можно выделить три тематических микрополя, каждое со своими лексико-семантическими группами номинаций. Так, микрополе «убийство» составляют группы номинаций:

- а) оружия / орудия: *под прицел/ом* пистолета (13) / автомата/ов (5) / десятков стволов / «Калашникова» / «калаша» / ружья / российских / корейских / американских / иранских ракет / частей ракеты-носителя / «Искандера-Э» / батареи / вертолета / орудий / гранатомета / ракетницы / натовских бомбардировщиков / ядерного оружия и др.;
- б) лиц, использующих оружие: *под прицел/ом* террористов (10) / бандитов (6) / стрелка (6) / боевиков (4) / снайперов (4) / пиратов / ВВС / войск НАТО / ВВС Израиля / снайпера / налетчика / грабителей / экстремистов / убийц / ракетчиков / автоматчиков и др.;
- в) природных явлений: *под прицелом* ветра / ветров / астероидов / «космических убийц» / стихии / затмения;
- г) болезней: *под прицелом* инсульта / рака / чумы нашего времени (рака) / недугов;
- д) сверхъестественных сил: *под прицелом* судьбы / темных сил.

Столь же объемно микрополе «надзор», которое в основном составляют номинации:

- а) институциональных органов и организаций, осуществляющих контрольные и / или организационные функции, различных группировок: *под прицел/ом* правоохранительных органов (1/8) / налоговиков (6) / чиновников (5) / ФАС (5) / силовиков (3) / Генпрокуратуры / прокуратуры (2) / антимонопольного ведомства (2) / рейдеров (2) / инспекторов (2) / ведущих европейских клубов (2) / Счетной палаты (2) / антимонопольщиков / российской / американской Фемиды / Минюста / МВД / Высшего арбитражного суда / КГБ / министерства / органов юстиции и др.;
- б) конкретных лиц: *под прицел/ом* тысяч глаз (2) / бабушки / режиссера / тысяч восторженных глаз / косых взглядов / незамужних женщин / свидетелей / миллионов / болельщиков / хозяев / фанатов / Андрея (Малахова) / Шнурова / целой армии недоброжелателей / наркокурьеров / успешного адвоката / иногородних гостей / тренера / книгоиздателей / ученых / оппозиционно настроенных коллег / завышенных ожиданий и пристрастных взглядов / провокаторов / проходимцев;
- в) абстрактных понятий и событий: *под прицелом* любви / лжи / халатности / непорядочности / рейдерства / реприватизации / знания и др.

Но самым активным по употреблению оказалось микрополе «внимательное наблюдение», куда вошли номинации СМИ и их технических средств наблюдения,

в то время как номинации самих медиа и журналистов единичны. Ср.: *под прицел/ом телекамер/ы* (3/28) / *камер/ы* (25) / *видеокамер* (7) / *фотокамер/ы* (1/5) / *объектива/ов* (2/3) / *фотоаппарата/ов* (1/4) / *фото- и видеокамер* (3) / *диктофонов* / *полусотни камер* / *веб-камеры* / *теле и фотокамер* / *фото- и телекамер* / *кинокамер* / *кино- и телекамер*.

Пристрастие журналистов к использованию «милитаристской» метафоры *прицел*, на наш взгляд, не случайно: деятельность современных медиа носит наступательно-агрессивный характер, это признают и сами журналисты, приравнивая себя к диким и опасным воителям: *Пока спортсмен проходит по петляющей змейкой зоне для интервью, то сперва попадает в лапы телевизионщиков. Только после этого он оказывается под атакой радиещиков. И уже в последнюю очередь основательно вытоптрошенный, потративший все эмоции на визуальные СМИ, он достается на растерзание газетным репортерам* (Сов. спорт. 20.08.2008).

Конфирмативные ПС с базовым компонентом *прицел* отражают основную каузальную директивно-локативную оппозицию «куда — где»: *под прицел* кого/чего — *под прицелом* кого/чего. Директивная модель: *Х попал под прицел У-а: Лизинг попал под прицел налоговиков. В фойе гости попадают под прицел телекамер и атаку диктофонов* (Сов. спорт. 15.05.2009). Локативная модель: *Х находится под прицелом У-а: Крупнейший онлайн-аукцион под прицелом хакеров. Незаконная пиротехника под прицелом милиции. В заголовках: Под прицелом любви (мелодрама). Под прицелом власти (документальный фильм). Под прицелом знания (статья). При актуализации темы: Под прицелом лжи: мировой рейтинг Украины опускается ниже, политики устали. Под прицелом хакеров: как защититься от кибермошенничества.*

Речевая практика показывает более широкую парадигму ПС с БК *прицел* в пределах указанных моделей за счет сочетания БК *прицел* с другими пре- и постпозитивными первичными предложениями. Поскольку такие сочетания образуют синтагмы первичных предлогов с разными морфологическими формами БК *прицел*, то и парадигма таких сочетаний получила у нас название морфосинтагматической (в терминологии М. В. Всеволодовой — морфосинтаксической).

Морфосинтагматическую парадигму ПС с БК *прицел* представим в контекстах.

- *Под прицел* кого/чего. *Лизинг попал под прицел налоговиков.*
- *Под прицелом* кого/чего. *Звезды под прицелом напараци.*
- *Под прицелом* у кого/чего. *Близнецы, в этот день и вы, и ваша работа можете оказаться под прицелом у начальства* (Труд. 30.01.2009). *Ты у акулы под прицелом.*

Включение постпозитивного предлога у в ПС сигнализирует о том, что в лексическом компоненте синтаксемы наличествует сема лица, в том числе при персонификации предметов и явлений, названных неодушевленными существительными: *Растительные клетки «под прицелом» у цитологии растений* (В. Чуб. Что изучает наука ботаника?). *Пытался иконы на заднюю полку класть, крест на зеркало вешать, а все едино: как за руль сяду, чувствую себя словно под прицелом у пулемета* (А. Д. Прозоров. Проклятый мустанг).

- *На прицел* кого/чего. *Перестраиваешься уже через сплошную и — она! Попадаешь на прицел висящей в нужном месте камеры* (Комс. правда. 26.11.2012).

- *На прицеле* кого/чего: Полузащитник «Болоньи» *на прицеле* селекционной службы клуба из Санкт-Петербурга (Изв. 27.03.2013). Примечательно обсуждение пользователей mail.ru: — Как правильно — *на прицеле* или *под прицелом*? — Ну это ж вроде как противоположные вещи, но подразумевают одно и то же (<https://otvet.mail.ru/question/49548917>).
- *На прицеле* у кого/чего: «Творческий подход» местных властей *остается на прицеле* у государства (РБК Daily. 31.10.05).
- *В прицел* чего/кого: *И в Европе вопрос* манипулирования ценами *попал в прицел* налоговиков (РБК Дейли. 28.03.2012).
- *В прицеле* кого/чего: *В прицеле* правительства Виктора Орбана и Центробанк Венгрии (Комс. правда. 21.01.2012).
- *В прицеле* у кого/чего: *Громада купола* раскинулась как раз над ним. Голову задерешь — по телу пробегает нервный холодок. А вдруг и эта жахнет? Неуютное местечко — стоишь посередине, как *в прицеле* у судьбы (Комс. правда. 27.02.2006).
- *Из-под прицела* кого/чего: «Биржа труда» выведет молодежь *из-под прицела* безработицы (Naviny. by).
- *Через прицел* чего: Упрекнуть Opel в том, что он не чистокровный «немец», может только сноб, глядящий на мир *через прицел* трехлучевой звезды (Автопилот. 15.07.2002).

Как было сказано в начале статьи, предлоги имеют текстовую парадигму, которая образуется с другой предложной единицей, употребленной с нуль-формой имени, восстанавливаемого из ситуации или контекста. В нашем случае текстовая парадигма обнаруживается в высказываниях, коррелирующих по моделям: 1) *У взял X-а под прицел*. — *X попал под прицел Y-а*. 2) *У держит X-а под прицелом*. — *X под прицелом Y-а*.

В текстовой парадигме наблюдается конверсивная оппозиция, в которой доминирующий субъект и доминируемый объект меняются местами по отношению к высшему коммуникативному рангу — позиции подлежащего. Если позицию подлежащего занимает доминирующий субъект (*У взял X-а под прицел*; *У держит X-а под прицелом*), то синтаксемы с замещенной формой имени после ПС невозможны, поскольку роль посессора в высказывании поглощена ролью субъекта доминации: *Все время казалось, что кто-то их* отслеживает, окружает, *держит под прицелом* (Труд-7, 19.02.2005). Виктор Михайлович, а какие именно процессы *вы* взяли *под прицел* в первую очередь, приступив к созданию автоматизированной системы проектирования? (Техника молодежи, 1976).

Расщепление рассмотренных ролей создает тавтологию, поэтому такие примеры крайне редки; в НКРЯ зафиксировано только по одному примеру: *Похоже, что бандиты... взяли под свой прицел и политических, общественных деятелей...* (Труд-7, 24.05.2005). *Сотрудники отдела по борьбе с сутенерством* давно уже держали *под своим прицелом* темнолицего парня с лихо закрученными усами, который появлялся в самых «крутых» тусовочных местах вместе с красотками неземной красоты (Труд-7, 08.05.2003).

Если позицию подлежащего занимает доминируемый объект, то текстовые парадигмы ПС возникают за счет корреляции высказывания с замещением имени

при ПС и высказывания с нуль-формой имени, известного из контекста / ситуации, неизвестного или подразумеваемого: *Патруль ОБСЕ попал под прицел на Донбассе. Россия должна встrepенуться, мобилизовать все свои силы, иначе будет поздно. Россия под прицелом!*

В газетном корпусе НКРЯ модели с ПС *под прицел / под прицелом* с нуль-формой имени встречаются в среднем в 2–3 контекстах на каждой странице.

Технически возможна и модель *X взят под прицел* (Y-ом), однако в НКРЯ она не зафиксирована ни с нуль-формой имени, ни с заполненной ее позицией. Единственный пример в НКРЯ с формой творительного падежа имени представлен предложным сочетанием *на прицел: Обстоятельства складывались так, что и мое имя, как религиозного живописца-художника, было взято Дягилевым на прицел* (М.В. Нестеров. О пережитом). Ср.: *мое имя попало на прицел Дягилева*.

В свободных локативных синтаксемах (как правило, в заголовках) скрытый под нуль-формой имени субъект доминации имеет значение «потенциальная угроза»: *Под прицелом президенты. Под прицелом бизнес-класс. Гормоны под прицелом. Знание под прицелом. Стабильность под прицелом. Онлайн торговля под прицелом*.

Тот же механизм текстовой парадигмы работает и в ПС *на прицел / на прицеле*; ср.: *На прицеле критики прокуроры России* (Независимая газета. 11.06.2011) — *Боль на прицеле* (заголовок; Наука и жизнь, 2007).

Замечено, что если в газетном корпусе НКРЯ превалируют контексты, в которых *на прицел* является предложным сочетанием, то в основном корпусе НКРЯ это преимущественно сочетание существительного *прицел* в его прямом значении и предлога *на*. Пример первых: *Я знаю много историй, когда ни в чем не повинный спортсмен оказывался на прицеле как нарушитель, а потом выяснялось, что это не его рук дело* (Изв. 17.01.2014). Пример вторых: *Я глянул на прицел карабина* (В. Астафьев. Веселый солдат).

Синтаксемы с нуль-формой имени в медиаречи используются:

- а) как квазицитация: в заголовке первая часть называет автора цитаты (интервьюируемого лица), а через двоеточие без кавычек — редуцированное высказывание этого лица, полный текст которого (порой без самого ПС) выплывает в окне после клика: *Адам Шиффер: армяне под прицелом. М. Фрадков: На прицеле — крупные неплательщики* (АиФ. 2002);
- б) в целях провокации ажиотажа или скандала: *Искусство под прицелом: в Москве открылась выставка «Макрореализм»;*
- в) для языковой игры, когда сталкиваются прямое и переносное значения ПС: *Под прицелом биатлон;*
- г) при актуализации темы: в заголовке — *Обоняние под прицелом*, в подзаголовке — *Использование запахов в маркетинговых коммуникациях*.

В сообщении может оказаться незанятой и позиция объекта *X-a*, который известен из конситуации: *Под прицелом: как популярные сайты собирают данные пользователей*. См. также название сериала «Под прицелом» о реальной жизни сотрудников полиции; сообщение в социальной сети «ВКонтакте»: *Клуб Под Прицелом приглашает к сотрудничеству рекламодателей*.

Нуль-форма имени встречается в синтаксемах и за пределами директивно-локативной оппозиции ПС:

- *из-под прицела*: Взгляд *из-под прицела* (заголовок; sport.ru/);
- *из прицела*: Видеооператоры ни на секунду не выпускали певца *из прицела*, так что зал наблюдал на экранах, как взмокшего насквозь Диму раздевают до белых плавок, вытирают и надевают на него сухую рубашку и джинсы (Труд-7. 20.03.2007);
- *через прицел*: Дружить с китайцами *через прицел*, думаю, малоэффективно (Комс. правда. 19.05.2005);
- *сквозь прицел*: В. Киселев. Жизнь *сквозь прицел* (Общая газета. 1998).

Таким образом, морфосинтагматическая парадигма ПС с базовым компонентом *прицел*, выражающих инвариант 'наблюдение', состоит из 13 единиц: *под прицел* кого / чего / кому; *под прицелом* кого / чего; *под прицелом* у кого; *в прицел* кого / чего; *в прицеле* кого / чего; *в прицеле* у кого; *на прицел* кого / чего; *на прицеле* кого / чего; *на прицеле* у кого; *через прицел* чего; *сквозь прицел* чего; *из прицела* кого/чего; *из-под прицела* кого/чего.

Если проследить по годам использование отдельных ПС, то можно заметить, что пики их активности в коммуникации не случайны: они появляются в двух-трехлетнем разрыве вслед за вооруженными конфликтами на территории СССР / России; см., например:

- ПС *на прицел*: пик употреблений в основном корпусе: 1922–1950 гг., второй всплеск — в 1990-е; в газетном — с 1990-х по 2007 г.
- ПС *под прицелом*: пики активности в основном: 1925–1955 — 1989–2003 — 2007 (апогей); в газетном: 2001 (апогей), далее убывание — 2003–2004 — 2007–2010 — 2013 (вдвое меньше, чем в 2001).

Выводы

1. Влияние медиа на служебный фонд языка в новых условиях становится более активным вследствие расширительной сочетаемости лексики в медиаречи.

2. Активное использование в массмедиа предложных сочетаний с БК *прицел* — диалектически противоречивый коммуникативный феномен: с одной стороны, это объективное речевое явление, отражающее современное общество со всеми его сложностями, агрессией, предельной открытостью жизни человека, беспардонным слежением за его жизнью и таким же вторжением в нее; с другой стороны, это одно из многих лингвотоксичных речевых средств, которое формирует в массовом сознании милитаристскую модель действительности, добавляя в информационное пространство свою порцию агрессии и страха.

3. Сочетания с базовым компонентом *прицел* — это грамматические конструкции с функцией предлога, имеющие свои морфосинтагматическую и текстовую парадигмы и находящиеся на пути к грамматикализации.

Литература

- Виноградова, Е. Н. (2016). Грамматикализация в русском языке: от формы существительных к предлогу (на материале соматизмов). *Вопросы языкознания*, 1, 25–50.
- Виноградова, Е. Н. (2017). Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке. *Вопросы языкознания*, 5, 56–74.
- Всеволодова, М. В., Кукушкина, О. В., Поликарпов, А. А. (2014). *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Всеволодова, М. В., Виноградова, Е. Н., Чаплыгина, Т. Е. (2018). *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2. Реестр русских предложных единиц А–В (объективная грамматика)*. М.: УРСС.
- Гальченко, Е. В. (2004). *Употребление предлогов с фразеологизированным значением в языке современной прессы*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород.
- Евгеньева, А. П. (Ред.). (1981). *Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд.* М.: Русский язык.
- Загнітко, А. П. (2007). *Словник українських прийменників. Сучасна українська мова*. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО».
- Иванов, Вяч. Вс. (2004). *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры.
- Канюшкевіч, М. І. (2008–2010). *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч.* Гродна: ГрДУ.
- Конюшкевич, М. И. (2015). Предложные сочетания с конформативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология. В *Памяти А. А. Поликарпова*. Сб. науч. статей (с. 224–240). М.: Изд-во МГУ. Электронный ресурс http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_60.pdf
- Поликарпов, А. А. (2004). Закон Менцерата как проявление базовых тенденций в словообразовании (на материале хронологического морфемно-словообразовательного словаря русского языка). *Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы II междунар. конгресса исследователей русского языка* (с. 287–289). М.: Изд-во МГУ.
- Рахилина, Е. В. (2010). *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник.
- Славянские предлоги*. (2007). Сб. ст. Велико Търново: ИВИС.
- Черкасова, Е. Т. (1967). *Переход полнозначных слов в предлоги*. М.: Наука.
- Шереметьева, Е. С. (2008). *Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Шиганова, Г. А. (2003). *Релятивные фразеологизмы русского языка*. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та.
- Шуба, П. П. (1971). *Прыназоўнік у беларускай мове*. Мінск: БДУ.
- Шуба, П. П. (1993). *Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў*. Мінск: Нар. асвета.
- Milewska, B. (2003). *Słownik polskich przyimków wtórnych*. Gdańsk: Wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego.
- Schröder, J. (1990). *Lexikon deutscher Präpositionen*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2018 г.;
рекомендована в печать 13 декабря 2018 г.

Контактная информация:

Конюшкевич Мария Иосифовна — д-р филол. наук, проф.; marikon9@mail.ru

The Influence of the Mass Media on the Russian Prepositional System

M. I. Konyushkevich

Grodno State University named after Ianka Kupala,
22, ul. Ozheshko, Grodno, 230022, Belarus

For citation: Konyushkevich, M. I. (2019). The Influence of the Mass Media on the Russian Prepositional System. *Media Linguistics*, 6 (1), 35–47. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.103> (In Russian)

The media speech influence the prepositional system of the Russian language is considered. The prepositional combinations (PC) with the invariant 'domination' are analyzed (there are about 200 units in the Russian language). On the background of the survey characteristic of this group, the microgroup of prepositional combinations with the invariant 'observation' is subjected to analysis. It is formed on the basis of the basic components-nouns. Despite the different degrees of being preposition, all the PC of this group form directive-local opposition: под наблюдение кого/чего — под наблюдением кого/чего. On the example of PC with basic component прицел a morphosyntagmatic paradigm consisting of 13 units is revealed. The peculiarities of the text paradigm formed by the prepositional combinations with this base component are also considered. The functions of syntaxeme used with the null-form of the name in the media speech are identified. PC type под прицелом demonstrates wide compatibility with managed nouns, the extensive nominative field of which includes lexis, which has a tendency to move from subject names to attributive (под прицелом ракет — под прицелом любви). Wide compatibility of the word прицел is the catalyst of its movement towards the grammaticalization in the composition of the prepositional combination. According to the Russian National Corpus, it is revealed that the peaks of active use of PC with the basic component прицел appear 2–3 years after the socio-political cataclysms in Russia. The conclusion about the duality of the phenomenon of the popularity of prepositional combinations with the basic component прицел is made. This phenomenon objectively reflects today's society with the utmost openness of person's life; but it is one of the lingvotoxic tools cultivated in the media, which forms a militaristic model of reality in the mass consciousness, adding to the information space its own portion of aggression and fear.

Keywords: prepositional combination, a base component, media.

References

- Cherkasova, E. T. (1967). *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The transition of full-valued words to prepositions]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Evgenëva, A. P. (Ed.). (1981). *Slovar' russkogo iazyka* [Russian Dictionary]. 4 vol. 2nd ed. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)
- Gal'chenko, E. V. (2004). *Upotreblenie predlogov s frazeologizirovannym znacheniem v iazyke sovremennoi pressy* [The use of prepositions with a phraseological meaning in the language of the modern press]. PhD thesis abstract. Belgorod. (In Russian)
- Ivanov, Viach. Vs. (2004). *Lingvistika tret'ego tysyacheletia: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future]. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)
- Kaniushkevich, M. I. (2008–2010). *Belaruskii pryznazouniki i ikh analagi. Gramatyka real'naga uzhyvannia. Materyialy da slounika* [Belarusian prepositions and their analogs. Grammar real application. Materials for the dictionary]. 3 vol. Grodno: GrDU. (In Belarusian)
- Koniushkevich, M. I. (2015). Predlozhnye sochetaniia s konfirmativnoi semantikoi v russkom i belorusskom iazykakh: spisochnyi sostav, semantika, tipologiia [Prepositional combinations with confirmative semantics in Russian and Belarusian languages: list composition, semantics, typology]. In *Pamyati A. A. Polikarpova* [In memory of A. A. Polikarpov]. Coll. of articles (pp. 224–240). Moscow: Moscow State University Publ. Retrieved from http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_60.pdf. (In Belarusian)
- Milewska, B. (2003). *Słownik polskich przyimków wtórnych* [Dictionary of Polish prepositions]. Gdańsk: Wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego.
- Polikarpov, A. A. (2004). Zakon Mentserata kak proiavlenie bazovykh tendentsii v slovoobrazovanii (na materiale khronologicheskogo morfemno-slovoobrazovatel'nogo slovaria russkogo iazyka) [The Menzerat Law as a manifestation of the basic tendencies in word formation (on the basis of the chronological morphemic-wordformative dictionary of the Russian language)]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and the present]. Works and materials II intern. congress of researchers of the Russian language (pp. 287–289). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian)
- Rakhilina, E. V. (2010). *Lingvistika konstruktssii* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian)

- Schröder, J. (1990). *Lexikon deutscher Präpositionen* [Lexicon of German prepositions]. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
- Sheremet'eva, E. S. (2008). *Otymennyye reliatyvy sovremennogo russkogo iazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Nominative relativity of the modern Russian language. Semantico-syntactic studies]. Vladivostok: Dalnevostochnyi University Publ. (In Russian)
- Shiganova, G. A. (2003). *Reliativnye frazeologizmy russkogo iazyka* [Relative phraseological units of the Russian language]. Cheliabinsk: Cheliabinsk University Publ. (In Russian)
- Shuba, P. P. (1971). *Prynazounik u belaruskai move* [The preposition in the Belarusian language]. Minsk: BDU Publ. (In Belarusian)
- Shuba, P. P. (1993). *Tlumachal'ny slounik belaruskikh prynazounikau* [Explanatory Dictionary of Belarusian prepositions]. Minsk: Nar. asveta Publ. (In Belarusian)
- Slavianskite predlozi [Slavic prepositions]. (2007). Coll. of articles Veliko T'rnovo: IVIS Publ. (In Bulgarian)
- Vinogradova, E. N. (2016). Grammatikalizatsiia v russkom iazyke: ot formy sushchestvitel'nykh k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in the Russian language: from the form of nouns to the preposition (on the basis of somatisms)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics], 1, 25–50. (In Russian)
- Vinogradova, E. N. (2017). Problemy leksikograficheskogo i grammaticheskogo opisaniia predlogov v sovremennom russkom iazyke [Problems of lexicographical and grammatical description of prepositions in modern Russian]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics], 5, 56–74. (In Russian)
- Vsevolodova, M. V., Kukushkina, O. V., Polikarpov, A. A. (2014). *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia. Kn. 1: Vvedenie v ob'ektivnuiu grammatiku i leksikografiu russkikh predlozhnykh edinits* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials to the functional-grammatical description of real use. Book. 1: Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units]. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russian)
- Vsevolodova, M. V., Vinogradova, E. N., Chaplygina, T. E. (2018). *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia. Kn. 2. Reestr russkikh predlozhnykh edinits A–V (ob'ektivnaia grammatika)* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials to the functional-grammatical description of real use. Book. 2. Register of Russian prepositional units A–B (objective grammar)]. Moscow: URSS Publ. (In Russian)
- Zagnitko, A. P. (2007). *Slovník ukrains'kikh priimennikov. Suchasna ukrains'ka mova* [Dictionary of Ukrainian prepositions. Modern Ukrainian language]. Donetsk: TOV VKF "BAO" Publ. (In Ukrainian)

Received: November 15, 2018

Accepted: December 13, 2018

Author's information:

Maria I. Konyushkevich — Dr. Sci. in Philology, Professor; marikon9@mail.ru